

383 и др.). В ряде случаев четко выделяется центральная зона, противопоставленная северной и южной, зоны вдоль границы с Чехословакией и некот. др. Очевидно, что полное представление о диалектном членении Силезии может быть получено лишь после всестороннего анализа всех материалов атласа.

Комментарии к картам, образующие вторую часть каждого тома, содержат дополнения, уточнения и объяснения к картам, отсылки к картам, тематически близким, указание на номера соответствующих вопросов программы, а также необходимые этнографические, географические и методические разъяснения. Помимо комментариев, вторая часть каждого тома имеет индекс слов, представленных на картах, с указанием номера соответствующей карты.

Диалектный атлас Силезии проф. А. За-

рембы уже сейчас привлеч внимание специалистов по славянской диалектологии и лингвистической географии богатством, новизной и высоким качеством своих материалов, продуманными приемами их представления, важностью поставленных в нем задач⁹. Атлас в его полном виде, несомненно, явится достойным пополнением коллекции региональных диалектных атласов Польши и обогатит славянскую лингвистическую географию ценным опытом, накопленным автором на всех этапах этого крупного начинания — от составления программы до публикации.

С. М. Толстая

⁹ См. рец. Е. Павловского в «Język polski», LI, 1971, 3, стр. 219—223 и LIII, 1973, 2—3, стр. 231—233.

A. Bartoszewicz. История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке
(*nomina concreta* от *nomina concreta*).—

Poznań, 1972. 226 стр. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Wydział filologiczny, Seria Filologia Rosyjska, nr. 2).

Основными достоинствами рецензируемой книги являются богатство языкового материала, обстоятельность его описания, четкость и ясность изложения, наличие обширной литературы вопроса. Объект исследования — суффиксальное словообразование конкретных существительных на базе конкретных имен существительных в русском литературном языке в историческом плане. Исследование ограничивается четырьмя словообразовательными факторами: характером производных слов, характером производящей базы, типом словообразовательных средств и способом словообразования. Это сделало работу компактной и конкретной.

В отборе материала, который удовлетворял бы формуле «*nomina concreta* от *nomina concreta*», имеются определенные трудности, особенно в отношении образований на *-ник* (типа *лесник*, *садовник*, *станочник* и т. п.), поскольку отсубстантивность таких образований не является самоочевидной и общепризнанной: некоторые исследователи видят в них отадъективные образования (т. е. не *лес* — *лесник*, а *лесной* — *лесник*, не *станок* — *станочник*, а *станочный* — *станочник* и т. п.¹; даже слова типа *рыбак*, *сибиряк* и т. п. нередко описываются как образованные от прилагательных с пропуском адъективного суффикса: *рыбный* — *рыб(н)ак*, *сибирский* — *сибир(ск)як* и т. п.).

¹ См., например: «Грамматика русского языка», I, М., 1952, стр. 217—218.

Свою точку зрения на этот вопрос автор книги с достаточной ясностью, хотя и кратко, изложил в гл. II (см. там же интересные замечания относительно образования слов типа *верблюжатник* от *верблюды*, а не от *верблюжата*). Можно, однако, отметить, что противоположная точка зрения при этом по существу не обсуждалась; не названы даже ее сторонники.

Материал исследования извлечен из словарей русского языка — исторических, диалектных и словарей современного русского литературного языка, а также из картотек этих словарей. Историческая перспектива представлена в книге разнообразно. Различаются два основных периода истории русского языка — от древности до XVII в. и от XVIII в. до современности (донациональный и национальный периоды)². При необходимости и возможности выделяются более дробные периоды — группы веков, отдельные века и даже части столетий, например, XI—XIV вв., XVIII в., начало XIX в. и т. п. По этим координатам рассматриваются отдельные образования в целом (например, образования с суф-

² Ср.: Н. А. Мещерский, К периодизации истории русского литературного языка, «Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов», Л., 1966.

фиксом *-арь*), их значения (например, значения существительных с суффиксом *-ист*), движение, развитие и разрушение синонимии и т. п. В интересах стилистической дифференциации и интерпретации материала различаются три основные группы памятников: церковные, светские и деловые. Слова первого исторического периода снабжаются указанием на их распространенность в этих группах памятников. Отмечено, например, что образования на *-арь* распространены главным образом в церковных памятниках письменности.

В основу собственно словообразовательной интерпретации материала автор положил разработанное им (см. «Введение»; там же рассмотрены и другие общие вопросы³) понятие дериватемы (дериватемы сопоставлены в работе с понятием словообразовательного типа и словообразовательной модели): «... дериватема — это абстрагированная от речи общая схема образования слов..., которая характеризуется определенным словообразовательным средством (формативом) и определенными лексико-грамматическими свойствами слов, реально и потенциально составляющих производящую базу, и тем, что слова-структуры, произведенные по ее образцу, могут использоваться для выражения новых лексических или лексико-грамматических значений по сравнению с исходными для них словами» (стр. 11).

Дериватемы делятся на монофункциональные и полифункциональные (ср. однозначные и многозначные словообразовательные типы и модели). Среди «монофункциональных дериватем» различаются далее дериватемы со значением лица (*рыбак, рыбарь* и т. п.) и дериватемы со значением предмета (*чайница, голубятня* и т. п.). В полифункциональных дериватах совмещается значение лица и предмета: *мытник, телатник, медвежатник* и т. п. Полифункциональные дериватемы (гл. 2) представлены лишь одной дериватемой «конкретное имя существительное + *-ник*»; монофункциональные дериватемы (гл. 1), напротив, весьма многочисленны: дериватемы со значением лица (первый раздел гл. 1) характеризуются суффиксами *-арь, -ач, -ник, -щик, -ист* и другими менее продуктивными, дериватемы со значением предмета (второй раздел гл. 1) имеют суффиксы *-ина, -ище, -ница, -ня* и другие менее продуктивные.

В гл. 3 «Явления словообразовательной синонимии» рассматривается синонимия в области личных и предметных существительных. Книга завершается кратким «Заключением» (стр. 201—208);

имеется также «Список сокращений» и резюме на английском языке.

Конкретные наблюдения и выводы автора, а также характер и стиль его изложения можно показать на примере дериватемы с суффиксом *-ист*. Первые имена существительные на *-ист* со значением лица пришли в русский язык уже в древнерусскую эпоху в виде одиночных заимствований из греческого языка, среди которых самым устойчивым было слово *евангелист*. Однако почти вплоть до XVIII века, точнее до Петровской эпохи, такие заимствования были случайными и не составляли словообразовательного ряда ввиду своей малочисленности и нерегулярности: *алхимист, артиллерист, арфист, окулист* и, по-видимому, произведенное уже на русской почве *бубенист*» (стр. 84). В словаре Смирнова «отмечается 13 слов на *-ист*, бытовавших в Петровскую эпоху. В дальнейшем на протяжении XVIII века заимствования на *-ист* со значением лица непрерывно пополняют словарный состав языка. Почти все словари XVIII века фиксируют слова этого рода: Лекс. 1762 отмечает 7 таких имен, Росс. Целл. 1771 — 4, Нордстет — 23, Письм. Кург. — 15, САР (первое издание) — 14, САР (второе издание) — 19. Примечательно, что Нов. словотолк. отмечает уже 99» (там же). «Приток слов на *-ист* особенно усиливается со второй половины XVIII века и к концу XVIII века, по свидетельству Н. И. Зелинской, в языке насчитывалось уже 166 слов на *-ист*» (там же). «Одновременно с увеличением количества слов на *-ист* в языке происходит объединение их в определенные структурно-семантические группы. Среди них ранее всех и наиболее четко определялась группа наименования музыкантов-исполнителей по названию инструмента, например: *арфист, бандурист, валторнист, гобоист, органист* и др.» (стр. 85). «В литературном языке XVIII века, особенно в конце XVIII века, среди имен существительных на *-ист* с общим значением лица вычленяются различные группы, объединяющие „производные“ на *-ист* по определенному типу мотивации и по соотношению их с определенным типом „производящих“... 1) Название лица по отношению к предмету как орудии действия: *бандурист, валторнист*.... Эту группу составляли прежде всего наименования музыкантов-исполнителей по инструменту. 2) Наименование лица по отношению к предмету как продукту труда: *копиист*.... В дальнейшем эту группу будут составлять прежде всего названия лиц по отношению их к искусству со значением „создающий тот или иной предмет искусства, творящий в этом жанре, манере и т. д.“ 3) Название лица по месту его нахождения, занятию, службе: *академист*...» (стр. 86—87). «Среди всех имен существительных на *-ист*

³ См. также: А. Бартошевич, К определению системы словообразования, ВЯ, 1972, 2.

наиболее активно пополнявшуюся на протяжении XIX в. и самую обширную группу составляли имена на *-ист* со значением лица по его отношению к общественно-политическому, научному, религиозному, философскому направлению или к системе взглядов, учению, связанным обычно с именем деятеля, например: *байронист, бонапартист, дарвинист, шеллингист, шиллерист* и др.» (стр. 89). «Довольно многочисленным был сформировавшийся в XIX в. разряд имен на *-ист*, обозначающих специалистов в различных областях науки и техники, например: *арабист, грамматист, криминалист, лингвист, славист* и др.» (стр. 90). Далее приводятся интересные данные о развитии и представленности данного словообразовательного типа в конце XIX в. и в XX в.

Интересны также разделы о дериватах с суффиксами *-арь, -щик*, а также сводный раздел «Другие дериватемы».

Синонимичными признаются лишь те образования, которые не только имеют сходное значение, но и синхронны, в частности, фиксируются в сходных значениях каким-либо одним и тем же словарем или отмечаются в памятниках письменности одной эпохи. За всем этим автор следит очень внимательно: «триада *скворечник — скворечница — скворечня*, впервые полностью зафиксированная в Сл. Даля, оказалась наиболее жизненной» (стр. 198). Другая триада *кофейник — кофейница — кофейня* впервые фиксируется в словаре Академии Российской, но «составляющие ее никогда не были семантически равноценными дублетами» (стр. 198): *кофейник* — это обозначение сосуда для варки кофе, *кофейница* — это обозначение сосуда для хранения кофе, а *кофейня* — «дом, где продают приготовленный напиток из кофею» (Словарь Академии Российской). Или еще: «Издавна семантически различаются *чайник* и *чайница*, объяснение значений которых в современных словарях совпадает с толкованием их в САР» (стр. 194). Из частностей укажем здесь на интересные замечания автора о слове *вратарь* (стр. 36), *обуешик* (стр. 74). В книге

широко используется метод количественной характеристики явлений.

Критических замечаний у нас немного: 1) стилистические характеристики (в соответствии с церковными, светскими и деловыми источниками) даны при каждом отдельном слове, а в последующем тексте обобщаются лишь частично и эпизодически. В этом плане нужны более систематические и более полные обобщения; 2) «Заключение» оказалось недостаточно конкретным; 3) сомнительная принадлежность к *nomina concreta* от *nomina concreta* слов *караульщик* (стр. 58), *авонарь* (стр. 29), неприемлемо членение слова *пастух* на *паст-ух* (стр. 12); 4) в общей характеристике предшествующих современному русскому языку исторических периодов развития языка А. Бартошевич остается в пределах широко распространенных, но мало убедительных представлений: раньше в языке не было ничего определенного, все только складывалось, иногда «экспериментировалось» (XVIII в.), постоянно были какие-то переходные состояния и т. п., и только в XIX в. «устанавливаются и окончательно стабилизируются общелитературные словообразовательные нормы» (стр. 205). А между тем язык всегда более или менее нормативно установлен и в то же время никогда окончательно не устанавливается, он всегда в движении и развитии и в то же время всегда обслуживает общество и только в отдельные исключительные, действительно переходные периоды обычная картина неустойчивого равновесия значительно нарушается (такие периоды и состояния требуют, конечно, особого объяснения). Но это, однако, замечание не только по поводу книги Бартошевича.

Книга в целом — весьма ценное научное сочинение, демонстрирующее большую систематически собранный языковой материал, обработанный и упорядоченный с привлечением количественных характеристик в историческом, стилистическом и семантико-словообразовательном отношениях. Он будет полезен для изучения общей истории русского словообразования.

А. И. Моисеев

A. Mielczarek. Z zagadnień leksykografii encyklopedycznej.
— Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972, 200 стр.

Лексикографы стремятся в последнее время проводить научный анализ на тех участках словарной работы, которые до последнего времени считались «малолингвистичными» и вообще «нелингвистичными». Связь теории лексикографии не толь-

ко с лексикографической практикой, но и с экстралингвистикой (с теорией информации, социологией, педагогикой) очевидна.

Именно в свете этих идей можно рассматривать попытку польского лексико-